

Политическая юстиция: сущность, генезис, эволюция

А. П. Евсеев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 109028, Москва, Большой Трёхсвятительский пер., 3

Для цитирования: Евсеев, Александр П. 2020. «Политическая юстиция: сущность, генезис, эволюция». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 1: 239–259.
<https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.117>

В статье рассматривается феномен зависимости судебной ветви власти от политических властей, получивший название «политическая юстиция». Исследуются разнообразные формы проявления этого феномена в различных видах судопроизводства (международном, конституционном и уголовном). Помимо политизации правосудия, фиксируется также обратный феномен — юридизация политики, под которой понимают более активное прислушивание политических деятелей к позиции судебной власти и все более активное обращение политиков к правовым средствам достижения политических целей. Анализируются показатели судебной статистики, свидетельствующие о наличии обвинительного уклона как признака политизации судебной власти *sui generis*. Обращаясь к конкретным судебным процессам (в частности, над бывшими главами государств, политическими противниками правящей элиты и исламскими экстремистами), автор вычленяет разного рода процедурные уловки, к которым прибегают судьи при разрешении дел подобной категории. Выделяются позитивные и негативные моменты взаимодействия судов с законодательной и исполнительной ветвями государственной власти. Анализируются психологические феномены в поведении и сознании судей, сопутствующие политической юстиции, в частности так называемый феномен стратегического бегства, при котором судьи воздерживаются от принятия решений по резонансным делам, искусственно затягивая их рассмотрение. Констатируется распространенность ситуации, когда в структуре судебной власти мирно уживаются две параллельные системы: общегражданские суды и разного рода чрезвычайные трибуналы, занимающиеся политическими преступлениями. Делаются отсылки к практике Европейского суда по правам человека; последний констатировал политическую мотивированность ряда уголовных дел, ранее разрешенных национальными судами. В частности, характерной уловкой, к которой прибегают юристы в условиях политической юстиции, является придание закону обратной силы, т. е. введение уголовной ответственности за деяния, с формально-юридической точки зрения не признававшиеся преступными в момент их совершения.

Ключевые слова: политическая юстиция, конституционное судопроизводство, политические репрессии, обвинительный уклон, суды над главами государств, международное уголовное правосудие

1. Введение

Термин «политическая юстиция», применяемый к одной из очевидных тенденций развития судебной власти в разные исторические периоды ее существования

(в том числе — и далеко не в последнюю очередь — конституционного правосудия), появился в научном дискурсе сравнительно давно. Достаточно вспомнить ставшую классической работу профессора Колумбийского университета О. Киршхаймера, увидевшую свет в 1961 г. (Kirchheimer 1961). Отдельные аспекты упомянутого феномена примерно в то же время затрагивала Х. Арендт, освещающая судебный процесс израильтян над оберштурмбаннфюрером СС А. Эйхманом, ответственным за «окончательное решение еврейского вопроса» (Арендт 2008). Именно в этих работах впервые было сформулировано общее определение политической юстиции как использования судебной процедуры для достижения политических целей. В рамках такого понимания вопроса в качестве однозначно «политических» квалифицировались суд над Сократом, судебные разбирательства против роялистов во времена Великой французской революции, процессы над коммунистами, проводившиеся в Веймарской республике и позднее в гитлеровской Германии, в том числе процесс о поджоге Рейхстага, «московские процессы» 1936–1938 гг. и т. д. (Meierhenrich, Pendas 2016).

Далее появились и другие крупные работы, написанные преимущественно на материалах фашистской Германии и сталинской России (Koch 1989; Muller 1991; Соломон 2008), после чего понятие «политическая юстиция» прочно закрепилось в мировой юридической науке, будучи сегодня общепризнанным для любого специалиста в области судебного права и давно уже не требующим никакого специального обоснования. Этой теме посвящаются конференции и круглые столы, книги и статьи (Bachmann, Sparrow-Botero and Lambertz 2013; Popova 2012; Попова 2012; Загретдинов 2015), но речь идет об исследованиях смысла и содержания феномена, его пределов и последствий, а не о необходимости доказывания существования феномена как такового. В его наличии в мире никто уже не сомневается. Так, по свидетельству А. В. Хованской, на ежегодных конференциях Американской ассоциации политической науки (American Political Science Association, APSA) организуется до тридцати панелей, посвященных вопросам взаимосвязи права, судов и политики. Эксперты обсуждают проблемы принятия судебных решений, назначения судей, взаимодействия судов с законодательной ветвью власти, использования судебной системы группами интересов и т. п. (Хованская 2010).

В постсоветском научном обороте, до недавнего времени преимущественно российском, в наиболее развернутом виде проблематика политической юстиции была представлена в работе В. Н. Кудрявцева и А. И. Трусова (Кудрявцев, Трусов 2000). Неоценимый вклад в демонстрацию политического характера царской юстиции внесли А. М. Ларин (Ларин 2000) и историк Н. А. Троицкий (Троицкий 2000), почти синхронно опубликовавшие свои работы. Нельзя не упомянуть и о докторской диссертации К. П. Краковского, научного последователя Н. А. Троицкого, посвященной политической юстиции в России во второй половине XIX — начале XX века (Краковский 2012). В годы перестройки увидела свет монография С. А. Егорова, посвященная феномену политической юстиции в США (Егоров 1989). Как видно из последней работы, на американском материале исследование феномена политической юстиции превратилось главным образом в вопрос о мотивации судебного поведения и о том, учитывают ли судьи позицию легислатуры, вынося тот или иной вердикт. На этом исследовании обозначенной проблематики фактически замерло, если не считать отдельных статей И. С. Григорьева (Григорьев 2012; 2013;

2017b) и упоминавшейся нами фундаментальной работы М. Поповой, опубликованной, впрочем, в Канаде на английском языке (Ророва 2012).

Когда мы начинаем внимательно изучать западные и появляющиеся отечественные работы о политизации судебной власти, то бросается в глаза, что многие из них посвящены исключительно влиянию недемократических режимов или, в крайнем случае, переходных демократий на осуществление правосудия, причем нередко в отношении политических оппонентов данных режимов. Иначе говоря, если судить по этим работам, то политическая юстиция представляет собой некую деформацию судебной функции государства, и никакого иного ее понимания более не существует. Верен ли такой подход? Применительно к фашистской Германии он не вызывает сомнений, к чему мы еще вернемся. Но применительно ко дню сегодняшнему возникают по меньшей мере два важнейших вопроса: применима ли к современным демократическим режимам (к числу которых, несомненно, относятся США и страны ЕС) указанная концепция и каковы ее параметры в конституционном правосудии?

Поэтому здесь мы почти не будем затрагивать вопрос о перманентно возрастающей роли политических ветвей власти в функционировании органов правосудия. Для нас, ставших свидетелями не одной судебной реформы, данная роль очевидна. Очевидно и то, что многие решения главы государства и парламента (например, связанные с формированием судейского корпуса) напрямую накладывают отпечаток на последующее осуществление судами своей юрисдикции, о чем мы уже писали (Евсеев 2013, 66–77). В практической плоскости, как представляется, доказывать здесь нечего, т. е. в этом смысле политизация сомнений не вызывает. Сосредоточимся на более сложной, на наш взгляд, проблеме, само наличие которой пока еще не очевидно: имеется ли политическое влияние на принятие судебных решений в тех государствах, где относительно жестко проведен принцип разделения властей и где отсутствуют укоренившиеся традиции незаконного вмешательства в судебную деятельность? Если да, то можно ли такое вмешательство квалифицировать как преступное, антиконституционное и т. д., или же мы имеем дело с некоей объективной закономерностью государственного развития?

При положительном ответе на поставленные вопросы мы придем к неутешительному выводу: судебная власть едва ли не в любом государстве в той или иной степени заполитизированна, а следовательно, говорить о ее полной независимости можно с большой долей условности. При отрицательном ответе вывод должен быть иным: политизация судебной власти — феномен, характерный исключительно для консолидированных автократий и переходных режимов, в которых политическое влияние на общественную жизнь особенно ощутимо, о чем, в свою очередь, следует сказать прямо и открыто, т. е. без дипломатических экивоков, деклараций и лозунгов.

2. Основное исследование

2.1. В поисках определения политической юстиции. Несложно заметить, что термин «политическая юстиция» включает в себя два слова, и если с «юстицией» все более-менее ясно, то над определением «политики» лучшие умы человечества бьются уже не одно столетие. Мы же возьмем за отправную точку классическое

определение М. Вебера, который призывает понимать под политикой «только руководство или оказание влияния на руководство политическим союзом, т. е. в наши дни — государством», а затем определяет само государство как «человеческое общество, которое внутри определенной области (успешно) претендует на монополию легитимного физического насилия» и, наконец, заключает, что политика — это «стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти... внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает» (цит. по: Григорьев 2017а, 26).

Таким образом, главным содержанием политики, ядром политической деятельности служит вопрос о завоевании, удержании и использовании государственной власти. Между политикой в таком ее понимании и судебной властью имплицитно возникает диалектическое противоречие: с одной стороны, судебная власть вмонтирована в государственный механизм, представляет собой пусть и частный, но все же элемент государственной деятельности, а с другой — ее главным предназначением как раз и является ограничение прерогатив политических ветвей власти, иначе говоря, ограничение государственного произвола.

Не случайно поэтому солидная часть западной литературы вообще не рассматривает судебное и политическое действие в качестве взаимосвязанных; они описываются как отдельные идеальные типы: судебное действие определяется как «нормативно нагруженное», в то время как политическая активность — как «управляемая интересом»; предполагается, что судьи спорят, в то время как политики — торгуются; судебные решения принимаются путем голосования, в то время как политические базируются на «принципе большинства» (Хованская 2010, 15).

Показательно, что, помимо политизации правосудия, исследователи отмечают и обратный феномен — юридикацию политики. Под ней понимают более активное внимание политических деятелей к позиции судебной власти и все более активное обращение политиков к правовым средствам достижения политических целей. А такое обращение лишено смысла без обеспечения независимости судебной власти хотя бы в базовых ее показателях.

Р. Познер, глубокий знаток данной проблематики, доказывал необходимость независимой судебной власти для политических элит на следующем примере. Допустим, что действующий состав Конгресса «продал» влиятельным лоббистам от молочной промышленности специальный налог на производство маргарина. Поскольку в силу специфики функционирования законодательной власти снова повернуть тот же фокус и пролоббировать в следующем составе Конгресса отмену данного налога будет сложно, производители молочных продуктов будут высоко ценить свой успех — он обеспечит им прибыль на долгие годы. Предположим, однако, что суды не независимы. В этом случае недовольным введенной пошлиной достаточно заручиться поддержкой Верховного суда (надавив на него или используя иные методы), чтобы тот отменил ее в судебном порядке. В такой ситуации — зная, что любое решение законодательной власти легко может быть аннулировано, — лоббисты перестали бы придавать сколько-нибудь серьезное значение Конгрессу, и тот потерял бы свое влияние. Именно поэтому, утверждает Р. Познер, политические элиты в Конгрессе стремятся обеспечить независимость суда (приводится по: Григорьев 2013, 41–42).

Несмотря на наличие столь красноречивых примеров, западная юридическая литература, посвященная политической юстиции, при ближайшем рассмотрении оказывается далеко не столь обширной, как может показаться на первый взгляд. При попытках обнаружить научный анализ понятия «политическая юстиция», например, в новейшей литературе США (своего рода символе современного конституционализма) сразу бросается в глаза программная статья профессора Чикагского университета Э. Познера (Posner 2005), сына упомянутого выше Р. Познера. Указанный автор, перед тем как дать определение политической юстиции, сразу привлекает внимание читателей к одному существенному аспекту последней, который был незнаком нам в прежнее время, а именно к судам над исламскими радикалами, получившим широкое распространение в США после терактов 11 сентября 2001 г. «В современных конституционных демократиях, — пишет Э. Познер, — немыслимы суды над людьми за политическое инакомыслие. Однако все более распространенными становятся секретные военные суды над террористами» (Posner 2005, 75). Причем для американцев этот опыт не является чем-то уникальным.

Как указывает другой видный американский юрист, А. Дершовиц, когда в 1942 г. в Нью-Йорке были схвачены немецкие шпионы и диверсанты, либеральнейший президент Ф. Рузвельт приказал судить их военным трибуналом именно потому, что хотел быть абсолютно уверенным в исходе дела — обвинительных приговорах. Один из биографов Рузвельта так описывает его инструкции министру юстиции: «Я хочу, чтобы ты понял одну простую вещь, Фрэнсис: я не собираюсь сдавать их... Я не собираюсь сдавать их ни одному американскому чиновнику, вооруженному своей habeas corpus. Пойми это!» (Дершовиц 2005, 117). Можно вспомнить и приговор американского трибунала от 10.04.1948 по делу *США против Оллендорфа*, когда трибунал обосновал отступление от правила защиты гражданского населения требованиями военной необходимости, что в той ситуации было своего рода юридическим нонсенсом. Как видим, в делах, которые затрагивают престиж государственной власти или представляют угрозу общественной безопасности, политики могут оказывать давление на судебную власть даже при условии, что обычно они этого не делают.

Как бы там ни было, Э. Познер определяет *политическую юстицию как такую организацию судебной власти, при которой вина субъекта и, как следствие, вопрос о его оправдании или осуждении ставятся в прямую зависимость от политических взглядов и предшествовавшей политической деятельности подсудимого*. В традиционном политическом процессе человек привлекается к ответственности (явно или скрыто) из-за своих политических убеждений, угрожающих государству или правительству, и по отношению к нему применяется предельно широко сформулированный закон или такой закон, который применяется в исключительных случаях, или применяется подчеркнуто жестко, или предусматривает непропорционально суровое наказание (Posner 2005, 76).

Симптоматично, что элементы политизации правосудия просматриваются даже на международном уровне. Тот же Э. Познер, которого сложно обвинить в симпатиях к нелиберальным моделям властвования, прямо называет деятельность Международного трибунала по бывшей Югославии (далее — МТБЮ) политической, поскольку «подсудимые были привлечены к ответственности в том числе потому, что были политическими и идеологическими врагами западных демокра-

тий» (Posner 2005, 77). Вместе с тем в силу политических соображений субъекты международного права, напротив, могут дистанцироваться от институтов международного правосудия, как, скажем, это произошло с США, вначале присоединившимися к Римскому статуту Международного уголовного суда, а затем отозвавшими свою подпись под ним, или с Украиной, также не ратифицировавшей Римский статут, даже несмотря на войну на Донбассе.

В самом деле, как указывает британский ученый Дж. Локленд в своей книге «История политических процессов», и процесс над С. Хусейном, и процесс над С. Милошевичем, и процесс над Н. и Е. Чаушеску можно смело отнести к разряду политических. Так, бывшего иракского лидера С. Хусейна судил так называемый гибридный трибунал, наподобие того, что существовал в Сьерра-Леоне, в котором наряду с национальными судьями, в экстренном порядке прошедшими стажировку в Лондоне, заседали судьи-иностранцы. Сам же трибунал был выведен из национальной судебной системы Ирака. Первым его председателем стал С. Чалаби, племянник непримиримого политического оппонента Хусейна А. Чалаби. Очевидцы вспоминали, что в ходе процесса зачастую нельзя было понять, где выступает представитель обвинения, а где — судья. Не случайно открывавший первое заседание трибунала председательствующий судья А. Рахман обратился к подсудимому со словами: «Судья Рахман обвиняет тебя, Саддам Хусейн аль-Маджид, в следующем...» (Laughland 2008, 244–245).

Однако в наиболее концентрированном виде политика проявила себя в деятельности МТБЮ. Речь сейчас идет не о процессе над сербским лидером С. Милошевичем, видимо, действительно стоявшим у истоков тех чудовищных злодеяний, в совершении которых его обвиняли, и даже не о процессе по делу *Готовина/Маркач*, закончившемся полным оправданием хорватских генералов, которым симпатизировали США. Речь идет прежде всего о попытках прокурора трибунала К. дель Понте инициировать в 1999 г. судебное разбирательство в связи с бомбардировками Белграда авиацией сил НАТО, в ходе которых пострадало значительное количество объектов гражданской инфраструктуры и погибло около 2000 чел. Вот что она писала по этому поводу в своих мемуарах: «Никто в НАТО не мешал мне расследовать бомбардировки или выдвигать обвинение. Но я быстро поняла, что вести такое расследование невозможно: ни НАТО, ни государства — члены этой организации не стремятся сотрудничать с нами. Нам не давали доступа к документам. Кроме того, я обнаружила, что дошла до границ политической вселенной, в которой было позволено действовать трибуналу. Если бы я пошла дальше в расследовании действий НАТО, то не только потерпела бы неудачу, но еще и лишила бы свою службу возможности продолжать расследование преступлений, совершенных во время войн 90-х годов» (Дель Понте 2008, 106).

Таким образом, чаще всего политические мотивы судебной деятельности могут возникать в трех процессуальных формах: 1) в международном правосудии; 2) в случае перехода от авторитарного к демократическому правлению и наоборот; 3) в случае усиления недемократического режима, приобретения им открыто репрессивного характера. В техническом плане политическая юстиция характеризуется: а) возможностью исполнительной власти влиять на ход процесса; б) наличием судейского корпуса, воспитанного в духе послушания; в) чаще всего отправлением правосудия в условиях подлинной или мнимой угрозы государственному строю;

г) возможностью судей в некоторых делах, не представляющих значительного интереса для власти, сохранять высокую степень независимости (так, в Бразилии эпохи военной диктатуры 1964–1985 гг. смертная казнь вовсе не применялась, а сроки заключения для политических оппонентов режима не были чрезмерно большими) (Соломон-мл. 2008, 161).

На последнем признаке стоит остановиться отдельно. Дело в том, что даже в нацистской Германии в структуре судебной власти мирно уживались две параллельные системы: общегражданские суды, не растерявшие со времен Веймарской республики высокой юридической техники и решавшие дела частных лиц в строгом соответствии с предписаниями Германского гражданского уложения 1900 г., и разного рода чрезвычайные трибуналы наподобие «народной судебной палаты» и прочих структур, занимавшихся политическими преступлениями (Марченко 1995). Аналогичная ситуация складывалась во франкистской Испании, где обычные суды могли некоторое время продолжать нормальную практику по неполитическим делам. И вот этот прием — пристраивание к правовому пространству, зачастую относительно развитому и профессиональному, некоего, по образному слову С. А. Пашина, «юридического зазеркалья» (Пашин 2011, 16), уравнивающего витринный либерализм потаенным кровавым ужасом, — также является одним из важнейших признаков политизации судебной власти.

2.2. Лики политической юстиции. Сложнее обстоит дело, когда никаких параллельных структур не создается и незавидная роль политических судов отводится уже существующим структурам. В таком случае перед ними стоит дилемма: либо полностью потерять себя, превратившись в орудие политической борьбы, либо устранившись от решения политически чувствительных дел, под разными поводами затягивая их рассмотрение. Последняя тактика, получившая в литературе название «стратегическое бегство», невозможна в консолидированных авторитарных и откровенно тоталитарных режимах. Для ее применения необходима определенная лояльность к судам со стороны политических ветвей власти, позволяющих играть с собой в кошки-мышки. Чаще всего подобная практика используется тогда, когда правящие элиты, монополизировавшие власть, все же относительно слабы — в самый разгар военной диктатуры в Аргентине Верховный суд отменял до половины обжалуемых правительственных декретов — и суды имеют возможность выждать, руководствуясь принципом «поживем — увидим», или, напротив, элиты настолько в себе уверены, что полагают судебную власть не имеющей достаточного влияния, дабы рассматривать ее в качестве потенциальной угрозы своему господству (Helmke 2005, 109).

В самом деле, сильные инкубенты, как указывает М. Попова, не нуждаются в подконтрольных судах настолько, насколько в них нуждаются слабые инкубенты. Если они находятся в электоральной безопасности, т. е. их позициям во власти не угрожает электорально конкурентоспособная оппозиция, то они не нуждаются в использовании судов для отражения атак своих противников. Кроме того, сильные инкубенты в авторитарных режимах могут располагать и другими инструментами для проведения своей политики или достижения своих политических целей, помимо судов. Решение суда, которое не соответствует их предпочтениям, может быть «исправлено» или обойдено при помощи других средств (Попова 2012, 212).

В юридической доктрине, как в отечественной, так и в западной, давно обращалось внимание на то, что, хотя деятельность судов, особенно конституционных, и является во многом политической, техника их работы — сугубо юридическая (Григорьев 2017а, 5). А значит, процессуальная инфраструктура политической юстиции немыслима без внедрения так называемого чрезвычайного законодательства, действие которого рассчитано на особые условия чрезвычайного положения (в широком смысле). В частности, Т. Г. Морщакова относит к числу специфичных для законодательства подобного рода черт следующие: 1) множественность правовых норм, обеспечивающих правовую регламентацию всех сторон общественной жизни в интересах правящего режима; 2) постоянное расширение уголовно-правовых средств борьбы с политическими преступлениями, направленное на подавление сопротивления официальной правительственной политике; 3) развитие правовых гарантий милитаризации страны; 4) неопределенность правовых предписаний, обеспечивающую широкие возможности для судебного произвола (Морщакова 1970, 192).

Для того чтобы не иллюстрировать приведенную цитату каким-либо банальным примером, взятым из далекого прошлого, обратимся к новейшему зарубежному опыту, а именно реалиям эрдогановской Турции. Как известно, 15 июля 2016 г. в этой стране, если верить официальной версии, была совершена попытка государственного переворота, вдохновленная исламским проповедником Ф. Гуленом. Однако население и вооруженные силы не поддержали путч, заговорщики были быстро разоружены и арестованы. Как следствие, 20 июля правительство объявило о введении чрезвычайного положения, которое на следующий день было поддержано парламентом. С этого момента в Турции начал действовать особый конституционный режим, который позволяет правительству принимать декреты, вступающие в силу немедленно и имеющие силу законов. В следующие недели и месяцы правительство выпустило более двадцати таких актов.

Чрезвычайные меры были направлены в первую очередь на тотальную чистку госаппарата от «гуленистов» — в результате десятки тысяч госслужащих (включая военных, судей, прокуроров и даже учителей) были уволены со своих должностей, тысячи частных организаций закрыты, а их имущество конфисковано. Кроме того, Турция объявила о дерогации (во второй раз в своей истории) Европейской конвенции по правам человека 1950 г.

Наибольший общественный и международный резонанс вызвали следующие положения нового законодательства.

1. Отсутствие надлежащего контроля чрезвычайных мер со стороны парламента и Конституционного суда. Подтвердив в конце июля введение чрезвычайного положения, парламент не установил никаких материально-правовых ограничений правительства и разошелся на каникулы до 1 октября 2016 г. Что касается органа конституционной юрисдикции, то формально ст. 148 турецкой Конституции запрещает ему рассматривать конституционность чрезвычайных декретов в процедуре абстрактного нормоконтроля. Однако сам Суд со времен С. Демиреля полагал, что у него есть такое право в случае, если в этих декретах правительство вышло за пределы своих полномочий и начало регулировать вопросы, не связанные непосредственно с ликвидацией последствий чрезвычайной ситуации. Однако в октябре 2016 г. Конституционный суд изменил свой подход и отказался рассматри-

вать конституционность чрезвычайных декретов, что, по нашему мнению, может служить очередным доказательством обоснованности психологического феномена «стратегического бегства».

2. Чрезмерно широкое действие чрезвычайных декретов по кругу лиц. По общему правилу чрезвычайные меры должны быть направлены на устранение тех угроз, которые связаны с возникновением чрезвычайной ситуации. Однако, начиная с первых же чрезвычайных декретов, правительство распространило их действие на все оппозиционные организации, а не только на движение гуленистов. В частности, под действие рассматриваемых декретов попали курдские сепаратисты, вовсе не имевшие прямого отношения к попытке путча.

3. Неограниченность действия чрезвычайных декретов во времени. В силу самой своей природы чрезвычайные меры должны носить временный характер. Более того, в условиях конституционной демократии правительство должно стараться, насколько возможно, принимать временные и обратимые меры. В данном случае были уволены десятки тысяч госслужащих, в то время как их временное отстранение могло бы достичь тех же целей. Как подчеркивалось в заключении Венецианской комиссии о чрезвычайном положении в Турции от 09.12.2016, все структурные «долгоиграющие» реформы законодательства должны происходить в рамках нормальной законодательной деятельности, а не на фоне чрезвычайного положения, которое имеет собственную политическую логику (§ 90) (Можно ли отступить от Конституции во имя ее защиты? 2017, 135).

4. Повсеместное использование законодательства *ad hominem* (актов индивидуального действия). Увольнение с госслужбы в течение весьма короткого срока более 100 тыс. чел. было сделано путем публикации списков имен увольняемых в приложениях к чрезвычайным декретам. Однако составление списков на увольнение не сопровождалось сколько-нибудь серьезным рассмотрением дел каждого из служащих, а критерии, которые применялись для решения об увольнении, никогда официально не публиковались. Более того, увольняемым не гарантировались даже минимальные процессуальные права, их просто ставили перед фактом. У лиц, уволенных таким образом с госслужбы, отсутствовала возможность обжаловать свое увольнение в суде.

5. Связь с оппозиционными организациями как основание для увольнения. Венецианская комиссия сделала два основных замечания в связи с этим. Во-первых, декреты не устанавливают интенсивность и характер связей госслужащего с движением гуленистов. По мнению комиссии, только значимые контакты, которые могут вселить объективные сомнения в лояльности госслужащего демократическому правопорядку (но не режиму личной власти Р. Эрдогана!), способны быть основанием для увольнения. Во-вторых, коль скоро движение гуленистов в течение многих лет существовало как сеть законно действующих организаций и проектов, то в таком случае необходимо установить тот момент, когда незаконный и даже преступный характер движения гуленистов стал очевиден для всех госслужащих (Можно ли отступить от Конституции во имя ее защиты? 2017, 136).

Добавим к сказанному, что на сегодняшний день в Европейском суде по правам человека (далее — ЕСПЧ) находится 2700 жалоб от уволенных в одночасье турецких судей всех уровней.

2.3. Политическая юстиция и единообразие судебной практики. Еще один конституирующий признак политической юстиции — выборочность судебной репрессии, которая вначале проявляется на уровне привлечения к юридической, чаще всего уголовной, ответственности за те действия, которые либо ранее не были наказуемыми, либо представляли собой хотя и нелегальные, но чрезвычайно распространенные в свое время практики, а затем — на стадии судебного разбирательства — в отсутствие подлинного равенства оружия в споре защиты с обвинением. Так, в период Веймарской республики преступники-правоэкстремисты (включая нацистов), совершившие политически мотивированные убийства наподобие убийств К.Цеткин и К.Либкнехта, часто отделялись незначительными наказаниями, в то время как коммунистов, преступивших закон, по большей части преследовали с беспощадной жестокостью (Меллер 2010, 150). В Российской Федерации наиболее выпукло этот признак проявился в политически окрашенных делах «ЮКОСа» и «Кировлеса» — двух частных компаний, возглавляемых М.Ходорковским и А.Навальным соответственно.

Так, в докладе о результатах общественного научного анализа судебных материалов уголовного дела М.Ходорковского, подготовленном десятком ведущих экспертов в области права и экономики, отмечались следующие нарушения принципов справедливого судебного разбирательства, допущенные Хамовническим районным судом города Москвы: 1) отсутствие адекватных объяснений обвинительной власти — как в отношении возбуждения и расследования уголовного дела, так и в отношении разумности сроков продолжающегося с 2003 г. серийного уголовного преследования подсудимого; 2) нарушение требования рассмотрения дела судьей, к подсудности которого оно отнесено законом, а именно исключение из рассмотрения дела суда более высокой инстанции и суда присяжных; 3) значительное по объему буквальное дублирование в приговоре текста обвинительного заключения; 4) замена обоснования выводов суда в приговоре перечислением документов из материалов дела, вовсе не исследовавшихся в судебном заседании, без раскрытия их содержания в связи с выводами суда о доказанности тех или иных обстоятельств дела и т. д. (Доклад Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека о результатах общественного научного анализа судебных материалов уголовного дела М.Б.Ходорковского и П.Л.Лебедева. Дата обращения 8 марта, 2019. <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/375>).

Короче говоря, как резюмировал ЕСПЧ в Постановлении от 23.02.2016 по делу *Навальный и Офицеров против России*, «национальные суды, по большому счету, не обеспечили справедливое судебное разбирательство по делу заявителей; кроме того, с учетом вышесказанного можно предположить, что национальные суды даже не позаботились о соблюдении внешних приличий. Примечательно, что суды отклонили, не исследовав, жалобы заявителей на то, что они подверглись преследованию по политическим мотивам, хотя данные заявления были, по меньшей мере, не голословными» (п. 116). И далее: «Для Суда очевидно — как это должно было быть очевидно и для национальных судов, — что между общественной деятельностью первого заявителя и решением Следственного комитета о возбуждении в его отношении уголовного дела имелась причинно-следственная связь. Поэтому национальные суды были обязаны тщательно исследовать его заявления о политическом давлении и решить, имелись ли подлинные основания для привлечения первого

заявителя к ответственности, невзирая на данную связь. Это же касается второго заявителя, который сделал негословное заявление о том, что его преследование было средством вовлечения в орбиту уголовного дела первого заявителя, что также не было связано с истинными целями уголовного преследования. Не рассмотрев данные заявления, суды тем самым только усилили опасения в том, что истинные причины уголовного преследования и осуждения заявителей имели политический характер» (п. 119) (Постановление Европейского суда по правам человека по делу *Навальный и Офицеров против России*. Дата обращения 8 марта, 2019. <https://roseurosud.org/r/st-6/postanovlenie-espch-navalnj-i-ofitserov-protiv-rossii>).

Кроме того, по оценкам экспертов, если в 2014 г. в России насчитывалось 210 уголовных преследований, содержащих политический мотив, то в 2015 г. — уже 269. В то же время в последние годы (посткрымский период) ужесточаются как меры пресечения, так и итоговые санкции по политически мотивированным делам. Если в 2012 и 2013 гг. в СИЗО попали соответственно 18 и 20 чел., то в 2014 и 2015 г. — уже 37 и 54 (Панеях 2016, 166).

Выборочность правосудия в системе политической юстиции всегда идет рука об руку с таким явлением, как обвинительный уклон, который прежде всего выражается в ничтожном проценте оправдательных приговоров. Причем последняя патология присуща не только российской, но и, например, украинской Фемиде. Чтобы не быть голословным, сопоставим количество оправдательных приговоров, вынесенных в фашистской Германии — подлинном символе беззакония — в отношении политических преступников, против которых нацистские судьи, казалось бы, были изначально настроены и в осуждении которых государственная власть имела прямой и непосредственный интерес (табл. 1), со статистикой оправдательных приговоров в независимой Украине, подающей себя как оплот прав и свобод.

Таблица 1. Количество оправданных Народной судебной палатой Германии, 1937–1944 гг.

Год	Количество обвиняемых	Количество оправдательных приговоров, %
1937	618	8,4
1938	614	8,79
1939	470	8,5
1940	1091	7,33
1941	1237	5,6
1942	2572	4,16
1943	3338	5,42
1944	4379	11,16

Источник: (Koch 1989, 132)

Как видим, в период существования Третьего рейха процент оправдательных приговоров никогда не опускался ниже 4 %. Более того, даже в 1944 г., когда количество обвиняемых предельно возросло в связи с общей тенденцией усиления уголовно-правовой репрессии после покушения на Гитлера 20 июля 1944 г., количество оправдательных приговоров составило невиданные ранее 11 % — и это только по политическим преступлениям (процент оправдательных приговоров по обще-

уголовной преступности, к которой правящая верхушка оставалась равнодушной, был еще выше)! Обратимся теперь к украинской статистике (табл. 2).

Таблица 2. Количество оправданных на Украине, 2007–2014 гг.

Год	Количество обвиняемых	Количество оправдательных приговоров, %
2007	165 459	0,41
2008	168 300	0,33
2009	146 450	0,19
2010	168 800	0,2
2011	Статистика отсутствует	Статистика отсутствует
2012	161 400	0,2
2013	135 800	0,6
1-е полугодие 2014	54 300	0,8

Источник: таблица составлена автором на основании судебной статистики, находящейся в открытом доступе на интернет-сайте Верховного суда Украины. Дата обращения 8 марта, 2019. www.scourt.gov.ua.

Как говорится, комментарии излишни. Остается только надеяться, что со временем ситуация с оправданием невиновных будет меняться в лучшую сторону.

Еще одна характерная уловка, к которой прибегают жрецы политической юстиции, — придание закону обратной силы, т. е. введение уголовной ответственности за те деяния, которые в момент их совершения с формально-юридической точки зрения не признавались преступными. Любопытно, что чаще всего данный прием используется не откровенно тоталитарными режимами, а, напротив, при переходе к демократическому правлению.

Так, после объединения Германии в 1990 г. был проведен ряд судов над руководством бывшей ГДР, среди которых выделялся процесс по делу Национального совета обороны. В рамках данного разбирательства к уголовной ответственности привлекалось высшее военное руководство, в том числе бывшие министр обороны Кесслер, начальник Генштаба Стрелец, шеф легендарной Штази (тайной полиции) Мильке и другие генералы. На них возлагалась первоочередная политическая и юридическая ответственность за пограничный режим и, следовательно, за убийства перебежчиков в районе Берлинской стены с использованием огнестрельного оружия, систем автоматической стрельбы и противопехотных мин. Обвиняемые пытались доказать, что, хотя они и давали команды стрелять на поражение, в то время это не рассматривалось как преступление. Более того, в военном законодательстве ГДР существовало значительное количество поощрительных норм, предусматривавших различного рода вознаграждения для бойцов и командиров, оперативно пресекавших всяческие попытки несанкционированного пересечения государственной границы. Верховный суд, а вслед за ним и Федеральный конституционный суд (далее — ФКС) ФРГ решительно выступили против оправдания высокопоставленных чиновников на основании принципа «закон обратной силы не имеет». В частности, ФКС ФРГ подчеркнул: «Суд должен игнорировать оправдание, если оно имеет целью освобождение от ответственности за умышленное

уничтожение людей, которые всего лишь пытались пересечь границу между двумя Германиями без оружия и не создавали угрозы интересам, общепризнанно нуждающимся в правовой защите. Такое оправдание, которое ставит запрет на пересечение границы выше права на жизнь, не должно иметь юридической силы по причине того, что оно явно и в недопустимой мере нарушает нормы справедливости и прав человека, защищаемые международным правом. Рассматриваемое нарушение настолько серьезно, что является посягательством на правовые концепции, касающиеся ценности и достоинства человеческой личности, которые являются общими у всех народов. В таких случаях позитивное право должно уступить место справедливости» (Постановление Европейского суда по правам человека по делу *Стрелец, Кесслер и Кренц против Германии*. Дата обращения 8 марта, 2019. <http://www.jean-monnet.unn.ru/doc/Advanced%20training%202014/Штрелец,%20Кесслер%20и%20Кренц%20против%20Германии.pdf>). В конечном счете, как это часто бывает в спорных ситуациях, дело дошло до ЕСПЧ.

В Постановлении от 22.03.2001 по делу *Стрелец, Кесслер и Кренц против Германии* Страсбургский суд сформулировал доминантно-правовую позицию: «Для государства, руководствующегося верховенством права, является законным возбуждение уголовных дел против лиц, которые совершили преступления при прежнем режиме; точно так же и суды такого государства, заняв место тех, которые существовали прежде, не могут подвергаться критике за применение и толкование правовых положений, действовавших во время совершения каких-либо действий, в свете принципов, которыми руководствуется каждое правовое государство» (п. 79). Кроме того, Суд отметил: «Широкое несоответствие законодательства ГДР практике государства в немалой степени являлось результатом деятельности самих заявителей. Занимая очень высокие посты в государственном аппарате, они явно не могли не иметь представления о Конституции ГДР и законодательстве ГДР или о международных обязательствах страны и критике ее режима охраны границы, которая звучала в международных кругах. Более того, они сами осуществляли или поддерживали этот режим, дополняя законы, публиковавшиеся в *Official Gazette* ГДР, секретными приказами и служебными инструкциями об укреплении и совершенствовании установок по защите границы и о применении огнестрельного оружия. В приказе о его использовании, который был дан пограничникам, они настаивали на необходимости защищать границы ГДР “любой ценой” и арестовывать “нарушителей границы” или “уничтожать” их. Поэтому заявители несут прямую ответственность за положение, которое сложилось на границе между двумя германскими государствами с начала 1960-х гг. до разрушения Берлинской стены в 1989 г.» (п. 78).

Отвлечемся теперь от ужасов тоталитаризма и коснемся влияния политических акторов на судебную систему в последовательных демократиях.

Как известно, первоначально Верховный суд США отвергал нововведения администрации Ф. Рузвельта, стремившейся усилить роль центрального правительства в регулировании трудовых отношений и налогообложения. Последовавшее изменение позиции Суда было принято объяснять так называемой утрамбовкой Суда, случившейся после переизбрания Рузвельта на второй срок. Для введения своих сторонников в Верховный суд Рузвельт запланировал расширение его состава. Он намеревался увеличить число членов скамьи с 9 до 15 путем введения новых

судей при достижении кем-либо 70 лет из старого состава. По логике Рузвельта, голоса новых судей призваны были обеспечить его поддержку в Суде. Следуя общепринятому объяснению, во избежание указанного сценария судьи изменили свое мнение в отношении регулирующего государства (в Америке эту «судебную революцию» называют “a switch in time that saved nine”) (Хованская 2010, 14).

Уже в наше время многие американские президенты при комплектовании Верховного суда ориентировались на близость идеологических воззрений будущих судей со своими собственными. Скажем, Б. Уайт, в прошлом профессиональный футболист, был личным другом президента Дж. Кеннеди. Другой судья, назначенный еще при Рузвельте «великий диссидент» У. Дуглас, получивший эту кличку за рекордное количество особых мнений, был крестным отцом его брата — Генерального прокурора США Р. Кеннеди. Политическим союзником президента Л. Джонсона был судья Э. Фортас, поддержавший его во время ввода войск во Вьетнам. В целом американские исследователи склоняются к признанию того факта, что в Верховном суде независимо от конкретного исторического периода существования последнего все же имеет место такой феномен, как повышенная лояльность по отношению к президенту (Epstein, Posner 2016, 407).

В подтверждение данного вывода приведем статистику (табл. 3).

Таблица 3. Дела, выигранные президентом США в Верховном суде на протяжении 1937–2014 гг., %

Фамилия президента	Президент как ответчик	Президент как заявитель
Рузвельт	66,78	65,38
Трумэн	58,13	71,79
Эйзенхауэр	54,59	71,55
Кеннеди	48,1	83,19
Джонсон	42,27	86,13
Никсон	50,63	78,86
Форд	59,52	79,92
Картер	52,94	75,65
Рейган	61,95	78,68
Буш	60	77,38
Клинтон	58,38	66,41
Буш-младший	48	76,01
Обама	35,35	72,86

Источник: (Epstein, Posner 2016, 411).

Несложно заметить, что Верховный суд гораздо охотнее удовлетворяет ходатайства главы государства на неконституционность актов других органов власти, нежели отменяет его указы. Известное исключение составляет, пожалуй, только президент Обама, который, хотя и укладывается в наметившийся тренд, тем не менее имеет за почти 80-летний период наблюдений крайне незначительный процент выигранных в Верховном суде дел в качестве ответчика — 35,35 %, что, в свою оче-

редь, можно объяснить скрытой оппозицией по отношению к его политическому курсу, существовавшей в консервативном «Суде Робертса».

Немало вопросов возникает в последнее время и в адрес судебных систем государств — членов ЕС, которые, на первый взгляд, уже давно должны были переболеть болезнями, свойственными постсоветской Фемиде. В этом отношении характерен пример Венгрии.

Популярный в этой стране политолог Б. Мадьяр, чья книга «Анатомия посткоммунистического мафиозного государства: на примере Венгрии» стала одним из интеллектуальных бестселлеров 2016 г., указывает несколько направлений деятельности консервативного большинства в лице коалиции партии «Фидес» и Христианско-демократической народной партии, взявших на парламентских выборах 2010 г. большинство мест в Государственном собрании. Эти направления ориентированы на урезание полномочий судебной власти, в их числе: а) ограничение возможности обращения в Конституционный суд в процедуре так называемой народной жалобы (*actio popularis*), построенной на соединении абстрактного нормоконтроля с отсутствием «прямого и наличного воздействия» обжалуемого акта на интересы заявителя; б) ограничение юрисдикции Конституционного суда по отношению к законам, касающимся бюджета и налогов; в частности, до тех пор пока размер внешнего долга страны превышает половину ВВП, Конституционный суд сохраняет право проверять конституционность законов о бюджете и об исполнении бюджета, а также акты налогового законодательства только в особых случаях (в частности, когда предполагаемая упречность законодательства касается права на жизнь и человеческое достоинство, тайны персональных данных и ряда других личных прав); в) переименование Верховного суда Венгрии в Курию, что, в свою очередь, послужило формальным поводом для отставки А. Бака с поста председателя Суда; г) создание Всевенгерского судебного ведомства, председателем которого была назначена Т. Хандо, супруга одного из основателей «Фидес», и ряд других антидемократических по своему потенциалу мер (Мадьяр 2016, 137).

Столь радикальные изменения, привнесенные в государственно-правовую жизнь венгерскими правыми, коснулись не только материального, но и процессуального права. Так, Закон 2010 г. «О внесении изменений в некоторые акты с целью содействия эффективной деятельности судов и ускорения судебных процедур» впервые предусмотрел такую новую форму распределения судебных дел, как переназначение дела в другой суд, нежели суд, определяемый по общим правилам территориальной подсудности. Целью этого своеобразного «инструмента антикризисного управления» было «обеспечение рассмотрения судебных споров в разумные сроки» за счет исправления крайней диспропорции в нагрузке на суды метрополии (Будапешта) и регионов. Ответственными за проведение этой процедуры стали Национальный судебный совет и Ведомство по делам судов, а точнее, председатель данного ведомства. Последний вследствие проведенной судебной реформы оказался практически неподотчетным «политическим назначенцем», сосредоточившим в своих руках широкий спектр (более 60) полномочий по управлению судебной системой, и потому венгерские конституционалисты прозвали его «судебным царем» (Блохин 2013, 68).

Между тем специалисты, прежде всего Венецианская комиссия, обращали внимание на ряд деталей. Например, указывалось: «Некоторые суды в Венгрии столь

малы, что назначение такого суда фактически будет означать назначение конкретного судьи или конкретного судебного состава». Также подчеркивалось, что «статистика рабочей нагрузки обеспечивает объективные статистические данные, но ее недостаточно как основания для принятия решения о передаче дела, поскольку она не содержит критерии для выбора конкретного дела для такой передачи и конкретного принимающего это дело суда» (Блохин 2013, 69). Не случайно из первых дел, распределенных по новой системе и отправленных из Суда метрополии в Будапеште в провинциальные суды, по меньшей мере три дела имеют явный политический подтекст, поскольку касаются случаев обвинения бывших высокопоставленных чиновников — оппонентов нынешнего политического режима. В частности, М. Хагио, в прошлом вице-мэр Будапешта и член оппозиционной Венгерской социалистической партии, чье дело было передано из «политически нейтрального» Будапешта в «существенно меньший и политически монотонный» Кешкемет, подвергся аресту сразу же после смены состава правительства. Впоследствии Европейский суд признал порядок и условия досудебного содержания под стражей подозреваемого не соответствующими целому ряду статей Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

3. Выводы

Подведем итоги. Активно воплощаемая в жизнь политическая повестка рано или поздно входит в противоречие с принципами правового государства, в том числе независимостью судебной власти. Ведь именно последняя выступает институциональным гарантом ценностей такого государства, закрепляемых и воспроизводимых среди прочего прецедентной практикой ЕСПЧ. Следовательно, для того чтобы реализовать, хотя бы частично, свою политическую программу, политическим акторам необходимо в той или иной мере «приручить» судебную власть.

Особенно явно это ощущается при обращении к историческому опыту нацистской Германии и более ранних диктатур, когда подобного рода наступление на прерогативы судебной власти шло рука об руку с принципом вождизма, при котором харизматичные вожди, нередко игнорируя мнение парламента, осуществляли свою политику без оглядки на стандарты справедливого правосудия, да и сами эти стандарты в разные исторические периоды были различными. Вместе с тем весь пафос правового государства как раз и заключается в том, что «правят не люди, а законы». Иными словами, ключевое звено государственного аппарата — скромный чиновник, наемный менеджер, который должен уйти с занимаемого поста сразу после того, как закончится его контракт с государством, и даже не допускающий мысли о посягательстве на прерогативы судебной власти.

Тем не менее приходится констатировать, что описанные выше попытки подчинить систему правосудия исполнительной власти являются отнюдь не только анахронизмом тоталитарного прошлого Европы. Начиная с 2010-х гг. в США, странах Восточной Европы и СНГ наблюдается настойчивое стремление политических элит разрушить или по крайней мере существенно трансформировать всю систему сдержек и противовесов, которая выстраивалась в мире после 1991 г. Последним бастионом на этом пути остается, несомненно, судебная власть, которая, будучи «сторожевым псом демократии», выступает в роли своеобразного противовеса,

стремящегося сглаживать теоретические увлечения и политическую нетерпеливость законодателя, с одной стороны, и противодействовать своекорыстию и «административному восторгу» исполнительной власти — с другой.

Не случайно политически безответственные политики, что наглядно показал пример Украины, первым делом дестабилизируют орган конституционного судопроизводства. Как мы уже сказали, это происходит, поскольку подобная радикальная ломка существующего государственного строя («конституционный переворот», если выражаться языком венгерских конституционалистов) немыслима без установления контроля над тем органом судебной власти, в который непосредственно обжалуются акты и действия политических властей. Более того, во многих странах именно политические ветви власти участвуют в формировании конституционных судов. Как следствие, для политических акторов это рождает двойной соблазн: либо найти причины, позволяющие вывести опасных для них людей из судейского состава, заменив их более лояльными (турецкий путь), либо попытаться до неузнаваемости изменить сам правовой статус органа конституционного судопроизводства, сузить объем его полномочий и компетенцию (модель современной Венгрии).

По контрасту факторами, влияющими на деполитизацию правосудия, могут стать:

- новые социально-экономические и политические отношения, требующие отражения в судопроизводстве: превалирование частного интереса над государственным, «приватизация» права вплоть до его «романизации» (возвращение к истокам римского права, очищенным от идеологии и политики);
- интернационализация права и судебных процедур, все более тесная связь внутренней правовой системы с международными стандартами справедливого правосудия;
- совершенствование современных технологий судопроизводства, включая массовое внедрение электронных носителей правовой информации (электронная регистрация дел, вывешивание на сайтах судов судебных решений), внедрение телеконференций в процесс, особенно на стадии кассации;
- расширение гарантий независимости судей на уровне международных стандартов, побуждающее власти предпринимать хотя бы некоторые действия в этом направлении (назовем в связи с этим Постановление ЕСПЧ по делу *Александр Волков против Украины*).

Указанные и другие обстоятельства в корне меняют саму парадигму правосудия в современном мире. Социальные революции ускоряют этот переход, но не являются главным детерминирующим фактором, как бы соблазнительно это ни выглядело. В конце концов, судебная система сама по себе крайне консервативна, подчиняется вековым устоявшимся правилам и процедурам, «переваривая», как показывает отечественный опыт, любую революцию, хотя и поддается разумному и профессионально обоснованному реформированию.

Библиография

- Арендт, Ханна. 2008. *Банальность зла*. М.: Знание.
- Блохин, Павел. 2013. «Реформа судебной власти в Венгрии и европейские стандарты справедливого правосудия». *Сравнительное конституционное обозрение* 5: 67–84.
- Григорьев, Иван С. 2012. «Политология судов: предмет и исследовательская программа». *Политическая наука* 3: 258–275.
- Григорьев, Иван С. 2013. «Причины провала первого проекта конституционного правосудия в постсоветской России». *Полития* 2: 39–49.
- Григорьев, Иван С. 2017а. «Внутрисудебные институты как инструмент адаптации конституционного суда в процессе консолидации политического режима (на примере КС РФ)». Дис. ... канд. полит. наук. НИУ «Высшая школа экономики».
- Григорьев, Иван С. 2017б. «Стратегический подход к судебной политике и соотношение внешних и внутрисудебных институтов в организации судебной власти». *Полития* 1: 159–174.
- Дель Понте, Карла. 2008. *Охота: я и военные преступники*. М.: Эксмо.
- Дершовиц, Алан. 2005. *Почему терроризм действует*. М.: РОССПЭН.
- Евсеев, Александр П. 2013. *Психология конституционного судопроизводства*. Харьков: Юрайт.
- Егоров, Сергей А. 1989. *Политическая юриспруденция в США*. М.: Наука.
- Загретдинов, Василий. 2015. «Конституционное орудие политической борьбы». *Сравнительное конституционное обозрение* 5: 104–119.
- Краковский, Константин П. 2012. *Политическая юстиция в России во второй половине XIX — начале XX веков*. М.: Юрист.
- Кудрявцев, Владимир Н., Алексей И. Трусов. 2000. *Политическая юстиция в СССР*. М.: Наука.
- Ларин, Александр М. 2000. *Государственные преступления. Россия. XIX век*. Тула: Автограф.
- Мадьяр, Балинт. 2016. *Анатомия посткоммунистического мафиозного государства: на примере Венгрии*. М.: Новое литературное обозрение.
- Марченко, Михаил Н. 1995. «Судебная власть в политической системе Германии 30–40-х годов». *Вестник МГУ. Серия 11. Право* 1: 3–11.
- Меллер, Хорст. 2010. *Веймарская республика: опыт одной незавершенной демократии*. М.: РОССПЭН.
- «Можно ли отступить от Конституции во имя ее защиты? Обзор заключения Венецианской комиссии о чрезвычайном положении в Турции (декабрь 2016 г.)» 2017. *Сравнительное конституционное обозрение* 2: 133–138.
- Морщакова, Тамара Г. 1970. «Реакционное уголовное право — составная часть чрезвычайного законодательства». *Чрезвычайное законодательство ФРГ*, под ред. Виктора М. Чхиквадзе, 192–207. М.: Юридическая литература.
- Панеях, Элла. 2016. «Суды и правоохранительные органы: репрессивное правоприменение». *Политическое развитие России. 2014–2016: институты и практики авторитарной консолидации*, под ред. Кирилла Рогова, 154–163. М.: Либеральная миссия.
- Пашин, Сергей А. 2011. *Становление правосудия*. М.: Р. Валент.
- Попова, Мария. 2012. «Политизированное правосудие в новых демократиях: политическая борьба и судебная независимость в России и Украине». *Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права*, под ред. Вадима В. Волкова, 199–223. М.: Статут.
- Соломон, Питер. 2008. *Советская юстиция при Сталине*. М.: РОССПЭН.
- Соломон-мл., Питер. 2008. «Суды и судьи при авторитарных режимах». *Сравнительное конституционное обозрение* 3: 156–174.
- Троицкий, Николай А. 2000. *Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг.* Тула: Автограф.
- Хованская, Анна. 2010. «Политическая юриспруденция: постклассический анализ судебных решений и идея легитимности». *Сравнительное конституционное обозрение* 1: 5–19.
- Bachmann, Klaus, Thomas Sparrow-Botero, Peter Lambertz. 2013. *When Justice Meets Politics*. Frankfurt a/M.: Peter Lang Edition.
- Epstein, Lee, Eric Posner. 2016. "Supreme Court Justices' Loyalty to the President". *The Journal of Legal Studies* 45 (June): 401–436.

- Helmke, Gretchen. 2005. *Courts under Constraints*. New York: Cambridge University Press.
- Kirchheimer, Otto. 1961. *Political Justice*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Koch, Hannsjoachim W. 1989. *In the Name of the Volk. Political Justice in Hitler's Germany*. New York: Barnes & Noble.
- Laughland, John. 2008. *A History of Political Trials*. London: Peter Lang Oxford.
- Meierhenrich, Jens, Devin O. Pendas. 2016. "The Justice of My Course Is Clear, but There's Politics to Fear: Political Trials in Theory and History". *Political Trials in Theory and History*, eds J. Meierhenrich and D. Pendas, 1–64. New York: Cambridge University Press.
- Muller, Ingo. 1991. *Hitler's Justice*. Cambridge: Harvard University Press.
- Popova, Maria. 2012. *Politicized Justice in Emerging Democracies*. New York: Cambridge University Press.
- Posner, Eric. 2005. "Political Trials in Domestic and International Law". *Duke Law Journal* 55 (75): 75–152.

Статья поступила в редакцию 12 марта 2019 г.,
рекомендована в печать 15 ноября 2019 г.

Контактная информация:

Евсеев Александр Петрович — канд. юрид. наук, доц.; apevseyev@gmail.com

Political justice: Essence, genesis, and evolution

O. P. Yevsieiev

National Research University "Higher School of Economics",
3, Bolshoy Trekhsvyatitelskiy per., Moscow, 109028, Russian Federation

For citation: Yevsieiev, Oleksandr P. 2020. "Political justice: Essence, genesis, and evolution". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 1: 239–259. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.117>

The article deals with the phenomenon of the dependence of the judicial branch from the political authorities, known as "political justice". Various forms of manifestation of this phenomenon in numerous types of legal proceedings (international, constitutional and criminal) are investigated. In addition to the politicization of justice, the opposite phenomenon is also observed — the judicialization of politics, which means more active listening by politicians to the position of the judiciary and more frequent appeals by politicians to legal means in order to achieve political goals. Indicators of judicial statistics are analyzed, indicative of the presence of an accusatory bias as a sign of politicization of the judiciary *sui generis*. Referring to specific trials (in particular, on former heads of state, political opponents of the ruling elite and Islamic extremists), different kinds of procedural tricks are used, which the judges resort to in resolving this category of cases. Positive and negative aspects of the interaction of courts with the legislative and executive branches of state power are highlighted. Psychological phenomena in the behavior and consciousness of judges that accompany "political justice", in particular the so-called "strategic flight phenomenon", can be analyzed where judges refrain from making decisions on high-profile cases, artificially delaying their consideration. The prevalence of a situation in which two parallel systems coexist peacefully in the structure of the judiciary is ascertained: ordinary courts and various kinds of emergency tribunals and other structures involved in political repressions. Reference is made to the practice of the European Court of Human Rights, in which the latter stated the political motivation of a number of criminal cases previously resolved by the national courts. In particular, a characteristic trick that lawyers resort to under conditions of political justice is to give retroactive force to the law.

Keywords: "political justice", constitutional justice, political repression, accusatory bias, prosecution of heads of state, international criminal justice.

References

- Arendt, Hanna 2008. *Banality of evil*. Moscow, Znanie Publ. (In Russian)
- Bachmann, Klaus, Thomas Sparrow-Botero, Peter Lambertz. 2013. *When Justice Meets Politics*. Frankfurt a/M., Peter Lang Edition.
- Blokhin, Pavel. 2013. "The reform of judiciary in Hungary and the European standards of the fair trial". *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie* 5: 67–84. (In Russian)
- Grigoriev, Ivan S. 2012. "The politology of courts: the subject and research programme". *Politicheskaya nauka* 3: 258–275. (In Russian)
- Grigoriev, Ivan S. 2013. "The reasons of the fail of the first project of the constitutional justice in post-Soviet Russia". *Politiya* 2: 39–49. (In Russian)
- Grigoriev, Ivan S. 2017b. "A strategic approach to judicial policy and the ratio of external and intra-judicial institutions in the organization of the judiciary". *Politiya* 1: 159–174. (In Russian)
- Grigoriev, Ivan S. 2017a. "Internal judicial institutions as a tool for the adaptation of a constitutional court in the process of consolidating the political regime (on example of the Constitutional Court of the Russian Federation)." PhD Diss. in Politics, NIU "Vysshiaia shkola ekonomiki". (In Russian)
- Del Ponte, Karla. 2008. *Hunting: me and military criminals*. Moscow, Eksmo Publ. (In Russian)
- Dershovic, Alan. 2005. *Why terrorism works*. Moscow, Rosspen Publ. (In Russian)
- Egorov, Sergei A. 1989. *The political jurisprudence in the USA*. Moscow, Nauka Publ. (In Russian)
- Epstein, Lee, Eric Posner. 2016. "Supreme Court Justices' Loyalty to the President". *The Journal of Legal Studies* 45 (June): 401–436.
- Helmke, Gretchen. 2005. *Courts under Constraints*. New York, Cambridge University Press.
- "Is it possible to break the constitution for its defense? Review of the Venice commission opinion on the state of emergency in Turkey (December 2016)" 2017. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* 2: 133–138. (In Russian)
- Khovanskaia, Anna. 2010. "Political jurisprudence: post-classical analysis of judgments and the idea of legitimacy". *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie* 1: 5–19. (In Russian)
- Kirchheimer, Otto. 1961. *Political Justice*. Princeton, Princeton University Press.
- Koch, Hannsjoachim W. 1989. *In the Name of the Volk. Political Justice in Hitler's Germany*. New York, Barnes & Noble.
- Krakovskii, Konstantin P. 2012. *Political justice in Russia in the second half of XIX — at the beginning of the XX century*. Moscow, Iurist Publ. (In Russian)
- Kudriavtsev, Vladimir N., Aleksei I. Trusov. 2000. *The political justice in the USSR*. Moscow, Nauka Publ. (In Russian)
- Larin, Aleksandr M. 2000. *The state crimes. Russia. XIX century*. Tula, Avtograf Publ. (In Russian)
- Laughland, John. 2008. *A History of Political Trials*. London, Peter Lang Oxford.
- Mad'iar, Balint. 2016. *Anatomy of the post-communist mafia state: case of Hungary*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
- Marchenko, Mikhail N. 1995. "Judiciary in the political system of Germany in 30–40s years". *Vestnik MGU. Serii 11. Pravo* 1: 3–11. (In Russian)
- Meierhenrich, Jens, Devin O. Pendas. 2016. "The Justice of My Course Is Clear, but There's Politics to Fear: Political Trials in Theory and History". *Political Trials in Theory and History*, eds J. Meierhenrich and D. Pendas, 1–64. New York, Cambridge University Press.
- Meller, Horst. 2010. *Weimar republic: the experience of single unfinished democracy*. Moscow, Rosspen Publ. (In Russian)
- Morshchakova, Tamara G. 1970. "Reactionary criminal law as the part of the extraordinary legislation of the FRG". *Chrezyvychainoe zakonodatel'stvo FRG*, ed. Viktor M. Chkhikvadze, 192–207. Moscow, Iuridicheskaiia literatura Publ. (In Russian)
- Muller, Ingo. 1991. *Hitler's Justice*. Cambridge, Harvard University Press.
- Paniakh, Ella. 2016. "The courts and law-enforcement organs: repressive law-enforcement". *Politicheskoe razvitiie Rossii. 2014–2016: instituty i praktiki avtoritarnoi konsolidatsii*, ed. Kirill Rogov, 154–163. Moscow, Liberal'naiia missiia Publ. (In Russian)
- Pashin, Sergei A. 2011. *Making justice*. Moscow, R. Valent Publ. (In Russian)
- Popova, Maria. 2012. *Politicized Justice in Emerging Democracies*. New York, Cambridge University Press.

- Popova, Maria. 2012. "Politicized justice in new democracies: politics and judicial independence in Russia and Ukraine". *Kak sud'i primimaiut resheniia: empiricheskie issledovaniia prava*, ed. Vadim V. Volkov, 199–223. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Posner, Eric. 2005. "Political Trials in Domestic and International Law". *Duke Law Journal* 55 (75): 75–152.
- Solomon, Piter. 2008. *The soviet justice under Stalin*. Moscow, Rosspen Publ. (In Russian)
- Solomon-ml., Piter. 2008. "The courts and judges under the authoritarian regimes". *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* 3: 156–174. (In Russian)
- Troitskii, Nikolai A. 2000. *The bar in Russia and political trials 1864–1904*. Tula, Avtograf Publ. (In Russian)
- Yevsieiev, Oleksandr P. 2013. *The psychology of constitutional justice*. Khar'kov, Iurait Publ. (In Russian)
- Zagretdinov, Vasili. 2015. "The constitutional tool of political fighting". *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* 5: 104–119. (In Russian)

Received: March 12, 2019
Accepted: November 15, 2019

Author's information:

Oleksandr P. Yevsieiev — PhD in Law, Associate Professor; apevseyev@gmail.com